

Познание самих себя через познание культуры своего этноса

Улданай М. Бахтикиреева

Российский университет дружбы народов, Российская Федерация,

Бакытгуль Е. Шагимгереева

Западно-Казахстанский университет им. М. Утемисова, Республика Казахстан,

Марал Б. Амалбекова

Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева, Республика Казахстан

В статье представлена рецензия на монографию «Тувинцы : Родные люди» (СПб.: Нестор-История, 2022). Её авторы — этнические тувинки: Ч. К. Ламажаа, Н. Д. Сувандиш, Ш. Ю. Кужугет, Ш. Б. Майны посвятили свой труд осмыслению и описанию культуры, с которой они тесно связаны правом рождения, способом речевой (языковой) коммуникации и неразрывным с ней со-бытием.

Авторы данной работы — этнические казахи — рефлексиируют над монографическим исследованием, облаченным в русскую языковую «оболочку» этническими тувинками, в частности — над их настоящей авторской субъектностью. Какова природа подобного позиционирования авторов монографии? Чем отличается выработанный ими подход от видений коллег — соплеменников тувинского происхождения?

Подчеркнутая субъектность авторов обусловила выработку их собственной концепции — тезаурусного подхода, который номинируется ими как российская версия *Indigenous Methodology*. С этой настойчиво акцентированной эпистемологической позиции ученые выстраивают аналитику предшествующих исследовательских подходов аутсайдеров и инсайдеров к изучению тувинской культуры и её генезиса; раскрывают содержание ключевых концептов, входящих в «ядро» сокровищницы тувинской культуры: өг, куда, уруг-дарыг, мал, сводящиеся под один зонтичный, родовый концепт — төрөл. На основании своего видения тувинские коллеги делают один из важных выводов, который становится актуальным для исследователей — представителей ряда коренных народов РФ и центральноазиатского региона: тувинская культура прежде всего зиждется на культуре родственных связей.

В ходе изучения монографии тувинских ученых выкристаллизовалась сверхзадача для каждого учебного-инсайдера — познать самих себя. Обратиться от предмета изучения на самих себя как на субъектов, не желающих пребывать в позиции «жертвы» по отношению к «метрополи», удобной позиции, освобождающей от ответственности за состояние культуры своего народа и науки о ней.

Ключевые слова: тувинцы; Тува; рецензия; тувиноведение; концептуализация этнокультуры; концепт культуры; тезаурусный подход; индигенная методология

Для цитирования:

Бахтикиреева У. М., Шагимгереева Б. Е., Амалбекова М. Б. Познание самих себя через познание культуры своего этноса // Новые исследования Тувы. 2023, № 4. С. 226-236. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.4.16>

Бахтикиреева Улданай Максумовна — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка и межкультурной коммуникации Института русского языка Российского университета дружбы народов. Адрес: 117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10А, каб. 283. Эл. адрес: uldanai@mail.ru

Шагимгереева Бакытгуль Ерсайновна — кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русской филологии Западно-Казахстанского университета им. М. Утемисова. Адрес: 090000, Республика Казахстан, г. Уральск, пр. Н. Назарбаева, д. 162. Эл. адрес: t_2004@mail.ru

Амалбекова Марал Бимендиевна — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры теории и практики перевода Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева. Адрес: 010010, Республика Казахстан, Астана, ул. К. Сатпаева, д. 2. Эл. адрес: maraluspen@mail.ru

Cognition of ourselves through cognition of the culture of our ethnic group

Uldanai M. Bakhtikireeva

RUDN University, Russian Federation,

Bakytgul E. Shagimereyeva

M. Utemisov West Kazakhstan University, Republic of Kazakhstan,

Maral B. Amalbekova

L. N. Gumilyov Eurasian National University, Republic of Kazakhstan

The article provides a review of the monograph «Tuvans: Native People» (St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2022). Its authors, ethnic Tuvan women (Ch. K. Lamazhaa, N. D. Suvandii, Sh. Yu. Kuzhuget, Sh. B. Mainy), have dedicated their work to comprehending and delineating the culture intimately linked to them through birthright, linguistic communication, and inseparable cohabitation.

The authors of this review, ethnic Kazakh women, contemplate the monographic exploration encapsulated within the linguistic confines of the Russian language by ethnic Tuvan women, particularly focusing on their compelling authorial subjectivity. What characterizes the nature of such authorial positioning within the monograph? How does their methodology differ from the perspectives of their colleagues who share Tuvan origins?

The accentuated subjectivity of the authors has led to the formulation of their unique concept – the thesaurus approach, which they label as the Russian iteration of Indigenous Methodology. From this emphatically articulated epistemological stance, the scholars scrutinize antecedent outsider and insider research methodologies concerning the study of Tuvan culture and its genesis. They delve into the essence of pivotal concepts constituting the “nucleus” of the Tuvan cultural repository: *ög, kuda, urug-daryg, mal*, all subsumed under a unified, clan-based concept – *törel*. Drawing from their perspective, Tuvan colleagues draw a crucial inference, one pertinent to researchers from diverse indigenous communities within the Russian Federation and the Central Asian region: Tuvan culture fundamentally rests upon the framework of kinship ties.

In the process of dissecting the monograph authored by Tuvan scholars, an overarching objective crystallizes for each insider scholar – to introspectively comprehend themselves. To shift the focus from the object of study to themselves as subjects, unwilling to perpetuate the role of “victims” in relation to the “metropolis”, a convenient posture that absolves them from accountability for the state of their people’s culture and the academic discipline devoted to it.

Keywords: Tuvans; Tuva; critical review; Tuvan studies; conceptualization of ethnoculture; culture concept; thesaurus approach; Indigenous Methodology

For citation:

Bakhtikireeva U. M., Shagimereyeva B. E. and Amalbekova M. B. Poznanie samikh sebia cherez poznanie kul'tury svoego etnosa [Cognition of ourselves through cognition of the culture of our ethnic group]. *New Research of Tuva*, 2023, no. 4, pp. 226-236. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.4.16>

BAKHTIKIREEVA, Uldanai Maksutovna, Doctor of Philology, Professor, Department of Russian and Intercultural Communication, Institute of Russian Language, RUDN University. Postal address: Off. 283, 10a Miklukho-Maklay St., 117198, Moscow, Russia. Email: uldanai@mail.ru

ORCID ID: 0000-0001-5088-7568

SHAGIMEREYEVA, Bakytgul Ersainovna, Ph.D. in Philology, Senior Lecturer at the Department of Russian Philology, M. Utemisov West Kazakhstan University. Postal address: 162, N. Nazarbayev St., 090000, Uralsk, Republic of Kazakhstan. Email: t_2004@mail.ru

ORCID ID: 0000-0003-4391-0613

AMALBEKOVA, Maral Bimendievna, Doctor of Philology, Associate Professor, Department of theory and practice of translation, L. N. Gumilyov Eurasian National University. Postal address: 2, K. Satpayev St., 010010, Astana, Republic of Kazakhstan. Email: maraluspen@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-4003-3080

Введение

В Санкт-Петербургском издательстве «Нестор-История» в конце 2022 г. вышла в свет коллективная монография «Тувинцы. Родные люди» (Тувинцы. Родные ... , 2022) (фото 1). Её авторы — этнические тувинки, научные сотрудники лаборатории этнологии и лингвокультурологии Тувинского государственного университета: Ч. К. Ламажаа, Н. Д. Сувандии, Ш. Ю. Кужугет, Ш. Б. Майны. Ученые осуществили критический анализ теоретико-методологических подходов к изучению тувинской культуры, осветили проблематику генезиса культуры и сложности её описания с лингвокультурологических и переводоведческих позиций, подвергли анализу актуальные для соплеменников концепты тувинского тезауруса: *өг* 'юрта, вид жилища и родной дом'; *куда* 'свадьба, создание семьи, новые родственные связи'; *уруг-дарыг* 'дети'; *мал* 'скот / мясо, питание' и как способ хозяйствования этноса в конкретных географических и климатических условиях. Эти концепты, включающиеся под общий зонт родового, концептуального понятия *төрөл* 'родня, родственники, круги родства' — суть отражения повседневного бытования современных тувинцев.

Особое звучание получает в монографии тезаурусный подход, примененный к анализу культуры, и инсайдерская позиция к изучению и описанию культуры народа, которому авторы принадлежат и по праву рождения, и по неразрывному со-бытию с ним, и по способу речевой (языковой) коммуникации.

Обозначая цели исследования, ученые подчеркивают свою авторскую субъектность: «мы описываем и анализируем собственную тувинскую культуру — культуру, в которой родились, выросли, и живем; мы говорим на языке нашей культуры» (там же: 4), а также стратегию исследования: «сегодня пришло время взглянуть на тувинскую культуру с иной точки зрения» (там же: 5).

Казалось бы, на подобное подчеркнутое позиционирование могут претендовать практически все билингвальные исследователи, посвящающие свои работы осмыслению и описанию явлений культуры своего народа на ином — не внутреннем языке этой культуры, в том числе этнические тувинцы. Ведь, рождение любой научной работы предполагает формирование новых смыслов и знания. Однако в данном случае заданная авторская модальность четко прослеживается с первых страниц и лейтмотивом пронизывает весь исследовательский проект. На наш взгляд, эта модальность амбивалентна, в ней кроется и зов к пониманию, и интеллектуальный

вызов: да, мы — тувинки, говорим на тувинском, пишем на русском, но о своем, родном. Перед нами билингвальные¹ авторы с однозначной этнической идентичностью и выраженным этническим самосознанием, предлагающие в русской «языковой оболочке» новое знание о культуре и в общем

Фото 1. Обложка монографии «Тувинцы. Родные люди» (СПб., 2022).

Photo 1. Cover of the monograph "Tuvans. Native people" (St. Petersburg, 2022).

¹ Термин «билингвальный» не означает, что человек владеет только двумя языками. В его языковом репертуаре их может быть гораздо больше. Полилингвизм в принципе сводится к совокупности двуязычий. См.: Серебренников Б. А. Общее языкознание [Электронный ресурс] // Samlib.ru. URL: http://samlib.ru/w/wagapow_a_s/serebrennikov.shtml (дата обращения 12.03.2023).

о народе, её создавшем, полученное на основе разработанного ими подхода, который они называют «русской версией Indigenous Methodology» (там же: 67, 70, 75) (англ.: *the Russian version of the indigenous methodology*; тув.: *индигенниг методологияның россияжи хевури*).

Таким образом, русскоязычная монография коллег тувинцев как, собственно, для нас — авторов данной рецензии — казахов, так и целого ряда народов РФ, центральноазиатских и других представляет интерес не только собственно текстовым содержанием — фактуальной, содержательно-фабульной информацией, но и акцентированной билингвальной позицией его создателей. Насколько оправдана подчеркнутая субъектность авторов монографии? Чем отличается взгляд авторов от видения коллег — соплеменников тувинского происхождения? Какова результативность тезаурусного подхода?

Рефлексия над заинтересовавшими нас вопросами — *основная цель* нашей статьи. Во избежание умозрительных рассуждений мы руководствовались *методом аналогии* — одним из научных методов познания. В поисках аналогий обращались к трудам Ю. М. Лотмана (Лотман, 1992, 2002), М. М. Ауэзова (Ауэзов, 1997), Г. Д. Гачева (Гачев, 1988), О. О. Сулейменова¹, А. А. Кодара (Кодар, 2006), Б. Г. Каирбекова², которые выступают в качестве *теоретико-методологической опоры* нашей работы.

Жанр нашей статьи можно определить как *философскую рефлексию* над прочитанной монографией «Тувинцы. Родные люди» («Тывалар. Төрээн кижилер»), посвященной культуре народа, проживающего в Туве, «неизвестной части» России, российской, но тем не менее, обособленной территории, «в том числе отчасти неизвестной и для самой России» (Тувинцы. Родные ..., 2022: 26).

От предмета изучения обратиться на самих себя, познать самих себя — это *сверхзадача* нашей работы.

«Кто они?» или Природа подчеркнутой субъектности авторов

Подчеркнутая субъектность авторов — собственно основа их эпистемологической позиции изложена во введении Ч. К. Ламажаа, предваряющем монографию (там же: 4–8). Однако ограничиться анализом результатов исследований не позволяют наши «казахские» рефлексии на тувинский интеллектуальный продукт. И дело здесь не в том, что эти два народа относятся к тюркоязычным, что могло бы послужить отправной точкой для рассуждений о некоей этнической солидарности. Мы на своем примере предполагаем, что многие исследователи, изучающие культуру своего народа, в процессе знакомства с монографией будут испытывать сходные с нашими чувства. И не только потому, что «иноязычие не может перебить голоса крови» (Кодар, 2006: 485), но и по причине отсутствия в научном обороте подобного ракурса, а именно осмысления концептов культуры народа, к которому мы принадлежим по праву рождения, в динамике. «Особым слухом», полагаем, будут отличаться представители коренных народов РФ и коллеги из центральноазиатских стран, которых не прельщает виктимная позиция «жертвы», суть lamentаций которой сводится к пенянию на подчиненное состояние в границах «метрополии» и снятию с себя ответственности за состояние культуры своего народа и науки о ней.

Пример создателей монографии — это пример преодоления себя посредством обращения к себе, через осознание своей ответственности перед собой, наукой, своим народом. В позиционировании субъектности тувинских коллег, прежде всего, усматривается указание на их этническую и языковую, как минимум, билингвальную — тувинско-русскую идентичность. Осознанная необходимость реализовывать свой интеллектуальный потенциал на русском языке никак не освобождает их от бытия внутри этнического языка. В акцентуации авторов на русскоязычном воплощении своего труда, некоторой ноте сожаления в отношении невозможности полностью воплотить лингвистический принцип индигенной методологии, ограничившись тувинским текстом, резюмирующим содержание монографического проекта (Тувинцы. Родные ..., 2022: 7, 220), мы не усматриваем недостатка, неполноты применения принципов Indigenous Methodology.

Иноязычное бытие литературы, например, средневековой литературы тюркских народов на арабском и новоперсидских языках, современной англо-, франко-, испаноязычной литературы и

¹ Сулейменов О. О. Доклад на симпозиуме ассоциаций писателей стран Азии и Африки // Сулейменов О. О. Эссе, публицистика. Стихи, поэмы. Аз и Я. Алма-Ата: Жалын, 1989. С. 54.

² Каирбеков Б. Г. Части целого: Избранное : в 2 т. Алматы, 1998. Т. 2. Стихи, проза, переводы. С. 229–231; Каирбеков Б. Кочующие в мирах. М.: РУДН, 2023.

др. (Ауэзов, 1997: 110–111); и не только художественной, но и научной литературы (напр.: ученые персидского происхождения Ал-Хорезми, ал-Бируни, Ибн Сина (Авиценна) и др., создававшие научные трактаты на арабском); современной научной и научно-популярной русскоязычной литературы казахов Бахыта Каирбекова¹, Ауэзхана Кодара (Кодар, 2006 и др.) и многих других о своей культуре служит доказательством неизменности явления «своего» в «ином». Подчинение языку более витальному в конкретном государственном устройстве, в том числе федеративном — исторически обусловленная жизненная необходимость, по крайней мере, до гипотетической возможности обретения «своим» лингвистического императива на уровне мирового языка.

Невозможность реализации исследования на внутреннем языке культуры, как определенная редукция, компенсируется бинокулярным зрением, возможностью оценить все ценное в видении коллег — аутсайдеров, позиция которых отнюдь не всегда предполагает знание языка изучаемой культуры; учесть их недочеты, преломить полученное знание, обогатить его и сформулировать новое. Так работает эвристическая позиция билингвального исследователя, изучающего конкретное явление с позиции «изнутри» и «снаружи». В качестве аналогии обратимся к «Феномену культуры» Ю. М. Лотмана, его построениям о «мыслящем устройстве», структура которого может быть моно- и билингвальной. «Моноязычная структура может объяснять систему коммуникативных связей, процесс циркуляции некоторых уже сформулированных сообщений, но отнюдь не образование новых. Для возникновения той закономерной и целесообразной неправильности, которая и составляет сущность нового сообщения или нового прочтения старого <...>, необходима как минимум двуязычная структура» (Лотман, 1992: 36). Это построение Ю. М. Лотмана коррелирует с размышлениями Г. Д. Гачева о «двуязычном нацмене» (Гачев, 1998: 37). Будучи знакомыми с уникальным стилем гачевского изложения, во избежание некорректного воспроизведения приведем объемную цитату:

«При двуязычии язык и национальное сознание превращаются, по словам литературоведа и философа М. М. Бахтина, из абсолютной догмы, какими они являлись в пределах замкнутости и глухого одноязычия, — в более гибкую и податливую новым понятиям мировоззренческую систему.

Двуязычие — это диалог мировоззрений, систем мира. При нем получается стереоскопичность зрения, объемность мышления. С другой стороны — на этом уровне появляется плодотворная самокритика мысли и слова. Ибо ‘двуязычник’, живя между двух моделей мира, явственно ощущает недостаточность, относительность каждой из них, чего не видит самоуверенный ‘одноязычник’, на каком бы великом языке он ни мыслил. Ценностно-акцентные системы двух языков (двух миров) взаимопросвечивают друг друга. Для художественно творящего двуязычного ‘нацмена’ сам язык и мышление его народа живут все время в двух аспектах: *свой — родной* (в котором вырос) и *свой — чужой* (как он выглядит со стороны и изнутри русского или английского языка, на котором он приобщился к образованию и цивилизации, который стал ему родным языком мышления)» (там же; курсивы источника. — *Авт.*).

Сходные идеи сформулировал М. М. Ауэзов, размышляя о т. н. «маргинальной» (двуязычной, как минимум) личности, особое положение которой «способствует тому, что она воспринимает культуру, к которой принадлежит этнически, как бы извне, со стороны и потому крупномасштабно» (Ауэзов, 1997: 108). Это особое билингвальное положение обуславливает очевидность различия

«таких понятий, как сознание этнической принадлежности и национальное самосознание. В отличие от простого факта своей принадлежности к той или иной национальной общности, национальное самосознание предполагает осмысленное отношение к внутренним и внешним, национальным и интернациональным факторам, которыми определяется историческое бытие этой общности. Если человек, оказавшийся в маргинальной ситуации, является подлинно творческой личностью, деятельность которой немислима без глубокой обоснованной мировоззренческой позиции, он необходимо восходит к уровню национального самосознания, преодолевая в себе двойственную неопределенность маргинальности. Национальный язык в этом случае становится объектом, на повышение общественной роли которого направлены его усилия, хотя в собственной практике он может предпочесть тот язык, которым лучше владеет как средством достижения своих мировоззренческих целей»².

¹ Каирбеков Б. Г. Части целого: Избранное : в 2 т. Алматы, 1998. Т. 2. Стихи, проза, переводы. С. 229–231; Каирбеков Б. Кочующие в мирах. М.: РУДН, 2023.

² Объемность цитаты обусловлена фактом библиографической редкости монографии М. М. Ауэзова.

Как нам представляется, в этом контексте четче понимается тувинско-русская языковая идентификация авторов монографии, их подчеркнутая субъектность, которая и легитимирует коллективного русскоязычного Homo Loguens, коим являются авторы монографии, и новый термин «русская версия Indigenous Methodology», который вполне возможно будет зафиксирован в соответствующих академических изданиях, словарях, глоссариях.

Неудовлетворенность — стимул к реакции

Неудовлетворенность тувинских ученых сформированным за предыдущие века дискурсом о тувинской культуре (Тувинцы. Родные ... , 2022: 9–28) — это, по сути, и наше состояние по отношению к культуре казахского народа. С высоты истории изучение конкретного этноса с конца XVIII века — это небольшой исследовательский период, но он оказался достаточным для сложения устойчивого представления о своеобразии народа, его культуры и для формирования положительных стереотипов, но и предубеждений, и предрассудков. С другой стороны, без этого накопленного опыта невозможны последующие смыслообразования. Несмотря на появление нежелательных эмоций от знакомства с рядом работ отдельных «внешних» исследователей¹, ориенталистский и, в целом, аутсайдерский подход — неотъемлемая составляющая научного знания, которое как и бытование культуры не статическая структура, но динамичная.

К этому пониманию нас подводит работа «К построению теории взаимодействия культур» Ю. М. Лотмана. «Этнографические описания европейцами ‘экзотических’ культур (куда в определенные моменты истории попадает и русская) или описание Тацитом быта германцев» (Лотман, 2002: 205) — неизбежный и необходимый этап развития культуры, несмотря на утрату «определенных, и часто наиболее ценных как стимуляторы, качеств копируемого внешнего объекта» (там же). Таким образом, внешний взгляд выступает интеллектуальным раздражителем, «провоцирующим» исследовательские перспективы².

В этом контексте взвешенное осмысление предшествующего аутсайдерского опыта изучения тувинской культуры авторами монографии вызывает эмпатию. «Справедливость без суровости» — так можно определить принцип критического анализа, позволяющий коллегам быть свободными от негативного настроения и «постколониальной ярости» к работам, освещавшим явления общественной и культурной жизни в рамках идеологических установок исторических эпох, и «различных “измов”» (Тувинцы. Родные ... , 2022: 44), в том числе ориенталистских. Выбор не в пользу удобной позиции «жертвы» позволяет им выявить исследовательские «перекося» и удачи в изучении тувинской культуры во «внешнем» и «внутреннем» тувиноведении.

Особенности внешнего (аутсайдерского) тувиноведения

Особенности внешнего (аутсайдерского) тувиноведения тувинские коллеги усматривают, прежде всего, в заметной культурной дистанции «между своей родной культурой и изучаемой — тувинской», которой аутсайдеры придерживаются, «даже если самые энергичные овладевают тувинским языком» (там же: 34). Особенности взгляда «снаружи» на объект и предметы исследования обеспечивает им объективность в описании разноаспектных культурных явлений, пусть нередко и относительную. Однако при всей возможной объективной оптике в такой позиции не избежать аберрации взгляда. Как отмечают, авторы монографии, отдельные оценки и умозаключения «внешних» исследователей отнюдь не всем тувинцам ко двору (там же).

Вместе с тем, коллектив авторов высоко оценивает труды аутсайдеров, прежде всего раскрывающих «табуированные» аспекты культурного бытования тувинцев, которые чаще по субъективным причинам инсайдеры намеренно выводят из фокуса своего внимания (там же: 34–36). В частности, речь идет о монографии греческого антрополога К. Зорбаса (K. Zorbas) «Shamanic Dialogues with the Invisible Dark in Tuva, Siberia. The Cursed Lives» («Шаманские диалоги с невидимой темнотой в Туве, Сибирь. Проклятые

¹ См. напр.: Смирнов И. Н. Обрусение инородцев и задачи обрусительной политики. Опубликовано в журнале «Исторический Вестник» в 1892 г.; Вестник Императорского Русского Географического Общества, 1859 г. Т. XXVII. Записка Волкова об Оренбургской губернии, 1763 (Алекторов, 2013: 117, 286–287).

² См., напр. книгу Э. Фатланда «Советистан. Одиссея по Центральной Азии: Туркменистан, Казахстан, Таджикистан, Киргизстан и Узбекистан глазами норвежского антрополога» (Фатланд, 2018).

жизни») (Zorbas, 2021), опубликованной издательством Cambridge Scholar Publishing. Этот труд мы также оценивали вместе (см.: Ламажаа, Бахтикиреева, 2022).

Зарубежный исследователь, изучая в столице Тувы одну из ритуальных практик шаманов «по снятию проклятий», поднял тему, находящуюся под негласным запретом у самих же тувинских исследователей (Тувинцы. Родные ... , 2022: 34–36). И не только у тувинских, но и балкарских, калмыцких коллег и др. Несмотря на факт отсутствия некоторых нюансов, которые можно отнести в разряд лотмановских «качеств — стимуляторов» (Ламажаа, Бахтикиреева, 2022: 268), вклад К. Зорбаса в тувиноведение безусловен.

Среди наиболее актуальных трудов исследователи выделяют монографию российского ученого В. А. Киселя, посвященной тувинской погребальной обрядности (Кисель, 2009); а также исследования немецкого антрополога А. К. Ольшлегель, поднимающей тему конструирования тувинцами прошлого и настоящего (Oelschlägel, 2013). Полагаем, что труды этих коллег привлекают особое внимание авторского коллектива и в силу коррелирования их собственных исследовательских установок с аутсайдерскими. В целом же, авторы монографии, оценивая вклад «внешних» коллег в тувиноведение, демонстрируют свою открытость всем, кому интересна культура тувинского народа.

Анализ «внутреннего» тувиноведения

Анализ «внутреннего» тувиноведения позволяет авторскому коллективу выявить ряд факторов, с их точки зрения, существенно редуцирующих перспективы тувиноведения (См.: *Особенности инсайдерского тувиноведения*, в: Тувинцы. Родные ... , 2022: 37–41). Вместе с тем невозможно не заметить их бережное отношение к любому знанию и коллекционированию всего ценного для построения своей концепции и, в общем — актуального для современной науки. Так, отмечая вклад крупного тувинского ученого В. Ю. Сузукей в изучение культуры своего народа, они подчеркивают её вывод о необходимости преодоления заданной матрицы в изучении тувинской и центральноазиатских культур (там же: 41–44). Свою аргументацию авторы монографии подкрепляют и позицией якутского ученого У. А. Винокуровой в отношении ученых-инсайдеров из числа коренных народов, выступающих от имени собственного народа (там же: 74), и вынужденных совмещать научную деятельность с решением судьбоносных для автохтонных социумов вопросов.

Кстати заметить, что такова перспектива немалого числа научных и творческих личностей из среды народов, не сумевших самостоятельно отстоять свою независимость, а значит — выражающих свои мировоззренческие взгляды на языке более витальном, понятном всему сообществу, в которое они объединены исторической судьбой. Примеров тому в нашей совместной истории достаточно. Приведем один: «Каждый из нас не принадлежит себе. Мы — это голос народа ...», — отмечал в своем докладе на симпозиуме писателей стран Азии и Африки поэт, лингвист, государственный и общественный деятель О. О. Сулейменов более полувека назад¹.

К числу наиболее значительных недостатков, выявленных учеными, пожалуй, относится отсутствие «гипервключенного наблюдения» (Тувинцы. Родные ... , 2022: 41), рефлексивности инсайдеров, что в совокупности с другими «тормозящими» факторами явно не способствуют системному осмыслению тувиноведения как отрасли науки (там же: 37–41). В резюмирующей части анализа, авторы монографии приходят к следующему умозаключению: при сложившемся осмыслении

«культура нынешняя — как разнообразный мир вокруг человека сегодняшнего — не воспринимается ими как нечто важное, требующее исследовательского внимания. Факторы глобализации и вестернизации признаются, но только как нечто, влияющее на (главным образом разрушительно) на традиции, т.е. на культуру. В итоге получается, что **внимание гуманитариев обращено к прошлому и к его наследию в нынешнем виде, к тому, что необходимо возвращать, пестовать посреди “неправильного сегодня”, а своя собственная культурная жизнь во всем ее противоречивом многообразии ими практически отвергается как объект изучения**» (там же: 41; выделено нами. — У. Б., Б. Ш., М. А.).

¹ Сулейменов О. О. Доклад на симпозиуме ассоциаций писателей стран Азии и Африки // Сулейменов О. О. Эссе, публицистика. Стихи, поэмы. Аз и Я. Алма-Ата: Жалын, 1989. С. 54.

Это актуальное наблюдение, достигшее уровня фундаментального обобщения, точнее — одно из важных достижений тувинских коллег, которое, несомненно, повлияет на исследования внутренних исследователей культуры в перспективе и отнюдь не только тувинской. Мы расцениваем этот вывод не только как эвристический капитал для тувиноведения, но и как опорную модель для выявления плюсов и минусов нынешнего инсайдерского казаховедения, хакасоевения, балкароведения, эвенковедения и мн. др., для преодоления инерционной заданности в изучении культуры, направленность которой устремлена скорее на изучение ее статики, чем динамики. Таким образом, рассматривать культуру как развертывающееся в пространстве и времени событие, здесь и сейчас — это один из главных текстовых и подтекстовых смыслов монографического исследования тувинских коллег.

Разработка эвристического подхода к изучению культуры

Во избежание «неправильных толкований и злоупотреблений» (там же: 74) по отношению к традиционным знаниям, с пониманием необходимости восполнения потерь, неизбежных как у коллег — соплеменников, отдельно изучающих духовные и материальные ценности родной культуры, так и у внешних, как правило, не владеющих в должной мере языком изучаемой культуры (См.: *Концепты культуры на своем языке*, там же: 46–56), тувинские коллеги разработали собственную концепцию, основываясь на достижениях Вал. А. Лукова и Вл. А. Лукова. Выбор в пользу идей этих ученых обусловлен «обращенностью к особенностям субъекта познания — самого ученого, который может смотреть на исследуемый объект культуры или общества с точки зрения его богатства, тезауруса как сокровищницы знаний, а также соотносить с ним свой собственный тезаурус. <...> если ученый сам владеет тем же тезаурусом, если он для него родной, если он инсайдер культуры, то получается, что ученый строит научное исследование, понимая себя находящимся в центре этого познавательного процесса, понимая, как это исследование важно для него самого и для его земляков, соплеменников, людей его культуры» (там же: 5), то есть для тувинцев — родных людей.

Излагая положения тезаурусного подхода (там же: 57–75), авторы подчеркивают: «**наша работа располагается в области эмического изучения культуры, сам подход можно назвать российской версией Indigenous Methodology.** Исследование тувинской культуры исследователями из числа тувинцев, осознающих свою принадлежность к культуре, ориентированных на постижение ценностей своей культуры и понимающих меру своей ответственности за исследование, — это основные наши установки» (там же: 75; выделено нами. — У.Б., Б.Ш., М.А.).

В процессе построения тезауруса (см. там же: *Тезаурус тувинской культуры*, там же: 76–85) исследователи руководствуются тремя важными для реализации их видения составляющими: идеей концепта, идеей тезаурусной саморегуляции, идеей социокультурной субъектности тезауруса. Это важнейшее отличие реконструкции тезауруса тувинской культуры от прочих.

Сосредоточившись на анализе именно трансформации, динамике концептов: *өг, куда, уруг-дарыг, мал*, сводящиеся под один зонт, к родовому понятию *төрел* (там же: 86–218), ученые осуществили попытку преодолеть разрыв между отдельным изучением явлений духовной и материальной культуры тувинского народа. Изучение и анализ конкретных концептов позволили им представить «смысловое “ядро” сокровищницы тувинской этнической культуры» и выкристаллизовать «центральный концепт тувинской культуры», который «практически не входил в сферу внимания исследователей» (там же: 219).

В целом, как показали авторы в Главе 2 «“Свое” в тувинской культуре», *төрел* — ключевой концепт тувинской культуры XX–XXI веков, в котором часть прежнего, традиционного наполнения утратило свою актуальность, уступив место новым качествам и признакам. Вывод авторов о том, что «тувинская культура может быть названа как культура родства или культура родственных связей, поскольку вся жизнь тувинцев пронизана пониманием родства, родственных отношений, деятельностью, связанной с поддержанием этих родственных отношений» (там же: 219) можно принять безоговорочно. И не только в силу приводимой аргументации, но и непосредственным использованием в работе метода автоэтнографии, продуктивность которого доказывается приложением 1 «Истории отдельных тувинских родов, родственных групп» (там же: 251–344), в которых обнаруживаем и собственно роды и группы, представителями которых являются и авторы монографии. Не можем не отметить мудрое отношение¹ представителей родов к некоторым косным явлениям советского периода, например,

¹ «Не соглашаясь, примиряться» — так можно было бы обозначить это отношение.

паспортизации этнически нерусских граждан СССР (там же: 321, 324¹) и др. Иллюстрирование фотографиями родов из восьми историй в приложении 2 (там же: 345–358) увеличивает доказательную базу исследовательского проекта и актуальность автоэтнографического метода и, в целом — предложенного авторским коллективом теоретико-методологического подхода — тезаурусного.

Отдельной брошюрой опубликованное Ч. К. Ламажаа, Н. Д. Сувандии, Ш. Б. Майны, Ш. Ю. Кужугет, Ч. Х. Санчай, А. В. Монгуш исследование «Өөвүс. Возвращение тувинской юрты» видится как самостоятельное исследование и как доказательный ресурс ко всему проекту в целом (Өөвүс. Возвращение ... , 2022). Юрта (өз), «перекочевывающая» и бытующая в разных ипостасях у нынешних потомков номадов, остается неотъемлемой частью их культуры (Ламажаа, 2021: 4). Представленная в разных аспектах повседневной жизни тувинцев: в архитектуре, дизайне интерьеров, в одежде, питании, искусстве, сувенирной продукции, в культуре детства, педагогике и др., юрта, как «модель Вселенной в миниатюре»², превратилась в «дом, который всегда с собой»³.

На наш взгляд, монография «Тувинцы. Родные люди», органично дополненная книгой о юрте, не мыслится без другого издания — «Дагылга: тувинские обряды освящения в XXI веке» (Дагылга: тувинские ... , 2021). Изданная на русском и тувинском языках книга раскрывает уникальную сторону жизни тувинских семей и родственных групп, проживающих в отдельных районах Тувы — *дагылга* — обряды освящения природных объектов рядом (2019–2021 гг.). (см. рецензию на нее: Попков, 2022). Несмотря на все исторические катаклизмы, сегодня тувинский народ продолжает свой диалог с Природой, осознавая свою зависимость от неё и ответственность перед ней, выражая свое почтение и уважение, и одновременно прося ее защиты и покровительства. Об этом книга. Вводя в научный оборот зафиксированные в ходе полевых исследований материалы, коллектив авторов еще раз продемонстрировал свою исследовательскую состоятельность — изучать культуру как континуумный процесс, который «чреват» новыми ресурсами самообеспечения.

Кода⁴. Вместо заключения

Таким образом, как полагаем, тезаурусный подход предоставляет перспективные возможности для исследователей культуры в силу принципа, который в нем заложен и который мы условно назовем «кинематографическим», то есть принципа, нацеленного на изучение культуры как развертывающегося во времени и пространстве, континуумного события — со-бытия культуры и народа её продуцирующего.

Монография «Тувинцы. Родные люди» — новый паттерн знания, который можно использовать исследователям — представителям самых разных этносов и этнических групп. Оттолкнувшись от предложенной авторами модели изучения культуры в динамике, наполнив онтологией конкретного локала, можно сформулировать новое знание о своем народе и его своеобразной культуре, находящейся в «кинематографическом» состоянии, структурно напоминающей «культурную луковицу» или «модель лука» (*onion model*) Г. Хофстеде (Hofstede, Hofstede, Minkov, 2010). Если метафоричную модель нидерландского социолога рассматривать в подаче тувинских авторов, то фокус нашего внимания сосредоточится на новых слоях, непрерывно обертывающих «смысловое ядро» — первичный подземный луковичный побег. Тезаурусному подходу суждена большая биография.

Для нас это исследование вкупе с двумя, отмеченными выше, ценно обращенностью к разуму, духу, душе, мышлению, сознания человека, в том числе человеку волей исторической судьбы являющимся билингвом. Это и наша исследовательская установка звучит в словах тувинских коллег: «Мы постигаем культуру, свою культуру, и мы постигаем ее не только для себя, для науки, но и для самой культуры. Чтобы понять, кто мы, что происходит в культуре» (Тувинцы. Родные ... , 2022: 220). При всей витальности русского языка в нашем бытовании мы остаемся прежде детьми своего народа, пытающемся помнить кто мы. Мы должны — помнить предков до седьмого и даже, как тувинцы, «до девятого

¹ См.: «История төрөл бөлүк (родственной группы) Кыргыз из Эйлиг-Хема Улуг-Хемского района», где Чойганмаа Кыргызовна Ойдуу, 1949 г.р. отмечает, что «в результате этой компании началась большая путаница, в том числе поломалась представление о родовой последовательности» (Тувинцы. Родные ... , 2022: 324).

² Каирбеков Б. Г. Части целого: Избранное : в 2 т. Алматы, 1998. Т. 2. Стихи, проза, переводы. С. 229.

³ Каирбеков Б. Кочующие в мирах. М.: РУДН, 2023. С. 203.

⁴ *Кода* (ит.) — отрывок, который завершает произведение (или часть).

колена» (там же: 49). Осознавая тупиковость этнической установки «Мы — такие!», без воинствующего противостояния, доступным большинству языком, погружаться в осмысление «Кто мы?».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алекторов, А. Е. (2013) Указатель книг, журнальных и газетных статей и заметок о киргизах (о казахах) // Классические исследования / под общ. ред. У. К. Калижанова. Алматы : Эдебиег элeмi. Т. 13. 976 с. С. 117, 286–287.
- Ауэзов, М. М. (1997) Иппокрена. Хожение к колодцу времен. Алматы : ИД «Жибек жолы». 170 с.
- Гачев, Г. Д. (1988) Национальные образы мира. М. : Советский писатель. 448 с.
- Дагылга: тувинские обряды освящения в XXI веке (2021) / под ред. Ч. К. Ламажаа, Н. Д. Сувандии. Кызыл : б. и. 188 с.
- Кисель, В. А. (2009) Поездка за красной солью. Погребальные обряды Тувы. XVIII — начало XXI в. СПб. : Наука. 142 с.
- Кодар, А. (2006) Зов бытия. Алматы : Издательский дом “Таймас”. 528 с.
- Тувинцы. Родные люди (2002) / Ч. К. Ламажаа, Н. Д. Сувандии, Ш. Ю. Кужугет, Ш. Б. Майны : под ред. Ч. К. Ламажаа, Н. Д. Сувандии. СПб.: Нестор-История. 360 с.
- Өөвүс. Возвращение тувинской юрты (2022) / под ред. Ч. К. Ламажаа, Н. Д. Сувандии. Кызыл : б. и. 85 с.
- Ламажаа, Ч. К. (2021) Очерки современной тувинской культуры. СПб.: Нестор-История. 192 с.
- Ламажаа, Ч. К., Бахтикиреева, У. М. (2022) «Проклятые жизни» и ценностный кризис в тувинском обществе // Новые исследования Тувы. № 1. С. 266–275. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.18>
- Лотман, Ю. М. (1992) Избранные статьи : в 3 т. Таллин : Александра. Т. I. Статьи по семиотике и топологии культуры. 478 с.
- Лотман, Ю. М. (2002) Статьи по семиотике культуры и искусства / предисл. С. М. Даниэля, сост. Р. Г. Григорьева. СПб. : Академический проект. 543 с.
- Попков, Ю. В. (2022) Рецензия на книгу: Дагылга: тувинские обряды освящения в XXI веке / под ред. Ч. К. Ламажаа, Н. Д. Сувандии. Кызыл, 2021. 188 с. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. Т. 21. № 2. С. 300–304. DOI: <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-2-300-304>
- Фатланд, Э. (2018) Советистан. Одиссея по Центральной Азии: Туркменистан, Казахстан, Таджикистан, Киргизстан и Узбекистан глазами норвежского антрополога. М. : РИПОЛклассик. 528 с.
- Hofstede, G., Hofstede, G. J., Minkov, M. (2010) Culture and Organization: Software of the Mind. London : McGraw-Hill. 576 p.
- Oelschlägel, A. C. (2013) Der Taigageist. Berichte und Geschichten von Menschen und Geistern aus Tuwa. Zeitgenössische Sagen und andere Folkloretexte / Дух-хозяин тайги — Современные предания и другие фольклорные материалы из Тувы / Тайга ээзи — Болган таварылгалар болгаш Тывадан чыгдынган аас чогаалының өске-даа материалдары. Marburg : Tectum-Verlag. 220 p.
- Zorbas, K. (2021) Shamanic Dialogues with the Invisible Dark in Tuva, Siberia. The Cursed Lives. Cambridge Scholar Publishing. 125 p.

Дата поступления: 14.07.2023 г.

Дата принятия: 31.07.2023 г.

REFERENCES

- Alekторов, A. E. (2013) Ukazatel' knig, zhurnal'nykh i gazetnykh statei i zametok o kirgizakh (o kazakhakh) [Index of books, magazine and newspaper articles and notes about the Kyrgyz (about the Kazakhs)]. In: *Klassicheskie issledovaniia [Classical studies]* / ed. by U. K. Kalizhanova. Almaty, Эдебиег элeмi. Vol. 13. 976 p. Pp. 117, 286–287. (In Russ.).
- Auezov, M. M. (1997) *Ippokrena. Khozhdenie k kolodtsu vremen [Hippocrene. Walking to the Well of Times]*. Almaty, Zhibek zholy Publ. 170 p. (In Russ.).
- Gachev, G. D. (1988) *Natsional'nye obrazy mira [Ethnic images of the world]* Moscow, Sovetskii pisatel'. 448 p. (In Russ.).
- Dagylga: tuvinskie obriady osviascheniia v XXI veke [Dagylga: Tuvan rites of consecration in the 21st century]* (2021) / ed. by Ch. K. Lamazhaa and N. D. Suvandii. Kyzyl, s. n. 188 p. (In Russ. and Tuv.).

Kisel', V. A. (2009) *Poezdka za krasnoi sol'iu. Pogrebal'nye obriady Tuvy. XVIII — nachalo XXI v. [A Journey for the red salt. Funeral rites of Tuva. XVIII — early XXI century]*. St. Petersburg, Kunstkamera. 142 p. (In Russ.).

Kodar, A. (2006) *Zov bytiia [The Call of Being]*. Almaty, Taimas Publ. 528 p. (In Russ.).

Tuvintsy. Rodnye liudi [Tuvans. Native people] (2002) / Ch. K. Lamazhaa, N. D. Suvandii, Sh. Yu. Kuzhuget, Sh. B. Mainy, ed. by Ch. K. Lamazhaa and N. D. Suvandii. St. Petersburg, Nestor-Istoriia. 360 p. (In Russ.).

Öövüs. Vozvrashchenie tuvinskoi iurty [Öövüs. Return of the Tuvan yurt] (2022) / ed. by Ch. K. Lamazhaa and N. D. Suvandii. Kyzyl, s. n. 85 p. (In Russ.).

Lamazhaa, Ch. K. (2021) *Ocherki sovremennoi tuvinskoi kul'tury [Essays on modern Tuvan culture]*. St. Petersburg, Nestor-Istoriia. 192 p. (In Russ.).

Lamazhaa, Ch. K. and Bakhtikireeva, U. M. (2022) «Proklyatye zhizni» i tsennostnyi krizis v tuvinskom obshchestve [“Cursed lives” and the crisis of values in Tuvan society]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 266–275. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.18>

Lotman, Yu. M. (1992) *Izbrannye stat'i [Selected articles]* : in 3 vol. Tallin, Aleksandra. Vol. I. Stat'i po semiotike i topologii kul'tury [Articles on semiotics and topology of culture.]. 478 p. (In Russ.).

Lotman, Yu. M. (2002) *Stat'i po semiotike kul'tury i iskusstva [Articles on the semiotics of culture and art]*. St. Petersburg, Akademicheskii proekt. 543 p. (In Russ.).

Popkov, Yu. V. (2022) Retsenziia na knigu: Darylga: tuvinskie obriady osviashcheniia v XXI veke / pod red. Ch. K. Lamazhaa, N. D. Suvandii. Kyzyl, 2021. 188 s. [Review of Lamazhaa, Ch. K., and Suvandii, N. D., eds. Darylga: tuvinskie obriady osviashcheniia v XXI veke [Darylga: Tuvan rites of consecration in the 21st century]. Kyzyl, 2021. 188 p.]. *RUDN Journal of Russian History*, vol. 21, no. 2, pp. 300–304. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-2-300-304>

Fatland, E. (2018) *Sovetistan. Odisseia po Tsentral'noi Azii: Turkmenistan, Kazakhstan, Tadzhikistan, Kirgizstan i Uzbekistan glazami norvezhskogo antropologa [Sovietistan. Odyssey through Central Asia: Turkmenistan, Kazakhstan, Tajikistan, Kyrgyzstan and Uzbekistan through the eyes of a Norwegian anthropologist]*. Moscow, RIPOLklassik. 528 p. (In Russ.).

Hofstede, G., Hofstede, G. J. and Minkov, M. (2010) *Culture and Organization: Software of the Mind*. London, McGraw-Hill. 576 p.

Oelschlägel, A. C. (2013) *Der Taigageist. Berichte und Geschichten von Menschen und Geistern aus Tuva. Zeitgenössische Sagen und andere Folkloretexpte / Dukh-khoziain taigi — Sovremennye predaniia i drugie fol'klornye materialy iz Tuvy / Taiga eezi — Bolgan tavarylgalar bolgash Tyvadan chygdyngan aas chogaalynyng öske-daa materialdary*. Marburg, Tectum-Verlag. 220 p.

Zorbas, K. (2021) *Shamanic Dialogues with the Invisible Dark in Tuva, Siberia. The Cursed Lives*. Cambridge Scholar Publishing. 125 p.

Submission date: 14.07.2023.

Acceptance date: 31.07.2023.